

Николашин Вадим Павлович

ДВАДЦАТИПЯТИТЫСЯЧНИКИ В ТАМБОВСКОЙ ДЕРЕВНЕ В НАЧАЛЕ 1930 Г.

Исследуются деятельность и материально-бытовые условия жизни двадцатипяти тысячников в тамбовской деревне в январе-марте 1930 г. Выполнение задач, поставленных правительством перед рабочими и комсомольцами на административных постах в деревне, получило высокую партийную оценку. В данной статье показано, что за фасадом масштабной кампании скрывались неопытность и неподготовленность рекрутируемых 25-тысячников, неустроенность быта и, как следствие, их массовые отъезды в город.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/9-1/31.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 9 (35): в 2-х ч. Ч. I. С. 116-121. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/9-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Список литературы

1. Алымов В. А. Лекции по исторической литургике. СПб.: Нева, 2005. 132 с.
2. Арановский М. Г. Психическое и историческое // Процессы музыкального творчества: сб. статей. М.: РАМ им. Гнесиных, 2005. Вып. 8. С. 7-20.
3. Бартосик Г. Богородица в богослужении Востока и Запада. М.: Изд. Францисканцев, 2003. 182 с.
4. Бачинин В. А. Интертекст мировой цивилизации: христианская геосоциальная девиантология (методологические проблемы) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.narcom.ru/publ/info/634> (дата обращения: 16.07.2013).
5. Бачинин В. А. Художественно-эстетическая мариология [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gazetaprotestant.ru/2010/08/hudozhestvenno-esteticheskaya-mariologiya> (дата обращения: 16.07.2013).
6. Бычков В. В. *Aestetica partum*. Эстетика отцов Церкви. М.: Ладомир, 1995. 596 с.
7. Керн К., архимандрит. Литургия: гимнография и эротология. М.: Крутицкое Патриаршее Подворье, 2001. 150 с.
8. Кузнецов К. А. Введение в историю музыки: в 2-х ч. Петроград: Гос. изд. «Печатный двор», 1923. Ч. 1. 125 с.
9. Лосский В. Н. Всевышняя // Лосский В. Н. По образу и подобию / пер. с франц. В. А. Решиковой. М.: Издательство Свято-Владимирского братства, 1995. С. 69-75.
10. Мартынов В. И. История богослужебного пения. М.: РИО Федеральных архивов; Русские огни, 1994. 240 с.
11. Псалтирь Следованная: в 2-х ч. М.: Изд. Донского монастыря (репринт), 1993. Ч. II. 565 с.
12. Святитель Иоанн Златоуст. Слово на Благовещение Преславной Владычицы нашей Богородицы // Святитель Иоанн Златоуст. Полное собрание творений: в 12-ти т. М.: Изд. им. свт. Игнатия Ставропольского, 2006. Т. 2. Ч. 2. 592 с.
13. Фелми К. Богоматерь в Литургии и гимнографии / пер. с нем. Е. Шохиной; под ред. М. Журинской // Альфа и Омега: сб. 1999. № 1 (19). С. 298-315.
14. Шукуров Д. Л. Имя Бога в историко-литургическом дискурсе // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 6 (32): в 2-х ч. Ч. I. С. 212-214.

**“AVE, UNOBSERVABLE DEPTH...”: FORMATION OF HYMNOGRAPHIC
AND MOTET FORMS OF GOD’S MOTHER VENERATION (THE IST-IVTH CENTURIES)**

Nemkova Ol'ga Vyacheslavovna, Ph. D. in Art Criticism, Associate Professor
Tambov State Musical-Pedagogical Institute named after S. V. Rakhmaninov
inemkov@mail.ru

The author researches an important but poorly studied question of the “preparatory” period in the development of Marian motet forms and hymnology, emphasizes the fundamental significance of this historical stage as the “accumulation period” that provides the complex of constant features for the artistic interpretations of God’s Mother’s image in broad historical perspective, and mentions the importance of such factors as the intensive understanding of Maria’s image in literary forms, the urgency of resistance to heresies, the expansion of the Christian holidays in the course of the evolution of God’s Mother hymnography.

Key words and phrases: veneration of God’s Mother; early Christian artistic forms; aesthetic Mariology; Byzantine hymnography; spiritual joy as aesthetic category; heortology; system of eight church modes.

УДК 93/94

Исторические науки и археология

Исследуются деятельность и материально-бытовые условия жизни двадцатипяти тысячников в тамбовской деревне в январе-марте 1930 г. Выполнение задач, поставленных правительством перед рабочими и комсомольцами на административных постах в деревне, получило высокую партийную оценку. В данной статье показано, что за фасадом масштабной кампании скрывались неопытность и неподготовленность рекрутируемых 25-тысячников, неустроенность быта и, как следствие, их массовые выезды в город.

Ключевые слова и фразы: колхоз; двадцатипяти тысячники; крестьянство; рабочие; тамбовская деревня; комсомольцы; раскулачивание; коллективизация.

Николашин Вадим Павлович, к.и.н.

Мичуринский государственный аграрный университет
nikolashin.vadim@yandex.ru

ДВАДЦАТИПЯТИ ТЫСЯЧНИКИ В ТАМБОВСКОЙ ДЕРЕВНЕ В НАЧАЛЕ 1930 Г. ©

Осенью 1929 г. власть усилила давление на деревню в сфере колхозно-совхозного строительства. Для форсированного проведения Сталинского аграрного курса партийно-государственным руководством страны решено было мобилизовать ресурсы города. Согласно резолюции ноябрьского пленума ЦК ВКП(б) от 1929 г., в деревню отправились рабочие промышленных центров СССР, в том числе и из Ленинграда. На организационно-хозяйственную работу в начале 1930 г. в связи с необходимостью социалистического переустройства

© Николашин В. П., 2013

сельского хозяйства должны были попасть «передовые» рабочие, имевшие опыт организационной и политической деятельности.

По решению руководства страны в советскую деревню должно было выехать 25 тысяч рабочих и комсомольцев. Этот масштабный поход горожан в деревню получил название по числу его участников – «двадцатипятидесятыхников». В Центрально-Черноземную область было мобилизовано 2050 человек. В данную квоту были включены и 200 представителей промышленных предприятий Тамбовского округа. Так, 4 января 1930 г. Тамбовской окружной комитет постановил «ФР ОСПС I и II райкома г. Тамбова, Моршанскому и Рассказовскому РК и заводу «Красный боевик» не позднее 6-го января закончить отбор рабочих, командируемых на постоянную колхозную работу» [1, д. 315, л. 25].

Необходимость анализа бытовых условий жизни 25-тысячников в тамбовской деревне и восприятие ими реалий коллективизации являются актуальной проблематикой в рамках осмысления и обобщения исторического опыта трансформации сельского хозяйства в конце 1920-х – начале 1930-х гг. Историографии данной темы посвящено значительное количество литературы. Выделим ряд работ, в которых рассматривается деятельность и быт 25-тысячников в тамбовской деревне. Противоречивая роль комсомола в коллективизации аграрного сектора Тамбовщины исследуется в статьях А. А. Слезина [7; 8], реакция рабочих-25-тысячников на события в коллективизируемой деревне анализируется в статье С. А. Есикова ««Великий перелом» и рабочий класс» [2], комсомол как объект и субъект коллективизации в тамбовской деревне изучил В. А. Ипполитов [3]. В коллективной монографии «Тамбовский комсомол: грани истории. 1918-1945» также рассмотрено участие комсомольских активистов в движении 25-тысячников в Козловском и Тамбовском округах [9].

В январе 1930 г. в тамбовскую деревню начали пребывать 25-тысячники. В Тамбове и Моршанске ленинградцев встречали с оркестром. На этом торжественном фоне «отличился» Пичаевский райком ВКП(б). В официальной переписке местных партийных органов отмечалось, что «пичаевцы отнеслись чиновнически и бюрократически к товарищам, приехавшим из Ленинграда» [1, д. 316, л. 31], даже не встретив их на станции. Радченко, секретарь Пичаевского райкома, объяснял это тем, что «Пичаево находится от станции за пятнадцать верст и... духового оркестра в Пичаево не имеется» [Там же], «день приезда совершенно был неизвестен, а поэтому все работники района находились в районе по компанейским вопросам. В райцентре... никого не было...» [Там же].

После торжественной встречи 25-тысячников на вокзалах проводились митинги. Подобный официоз был важной деталью срежиссированной руководством страны постановки, где главными действующими лицами становились выходцы из города. Они должны были выступить трансляторами «индустриальных» ценностей в деревне.

Рабочие, как представители производства, были хорошо знакомы с основными формами социально-экономических отношений в крупном хозяйственном коллективе. Дисциплина, умение организовывать непрерывный производственный процесс, знание современных технологий делали их носителями ценного опыта, необходимого для реконструкции сельского хозяйства. А. С. Левакин отмечает, что «эти их знания и навыки, безусловно, являлись полезными при создании коллективных хозяйств... Однако с хозяйственной точки зрения нахождение во главе колхозов людей, которые по роду своей прежней профессиональной деятельности не имели (и не могли иметь) представления и о тонкостях сельского хозяйства, чаще всего представлялось нецелесообразным и даже вредным» [5, с. 278]. Вместе с рабочими среди 25-тысячников были и комсомольцы. Так, «в Тамбовский округ приехало 45 представителей союзной молодежи Выборгского района сроком на 2 месяца и 30 комсомольцев – на постоянную работу...» [9, с. 181]. Как и рабочие, комсомольцы не были готовы к работе в селе. Они «часто... не разбирались в сельском хозяйстве, надлежащих знаний не имели («трудно работать, когда крестьянскую обстановку не знаешь»)» [3, с. 221].

С целью ликвидации аграрной безграмотности у основной массы 25-тысячников проводились инструктажи по ключевым вопросам колхозного строительства. Их знакомили с конкретными природно-климатическими и экономическими условиями районов, в которых предстояло заниматься социалистическим переустройством сельского хозяйства, с особенностями процесса аграрного производства. Инструктаж рабочих проходил в течение трех дней в окружном центре. Краткосрочный курс не мог ликвидировать отсутствия опыта и знаний в сфере аграрного производства у 25-тысячников. В реалиях жестокой борьбы власти и деревни это вело к кадровым перемещениям и отстранениям от должностей рабочих и комсомольцев. Так, весной 1930 г. рабочий металлического завода Удалов был уволен, так как «по своей квалификации и состоянию здоровья плохо поддавался использованию на самостоятельной работе» [1, д. 316, л. 85]. К аграрной безграмотности присовокуплялось либо непонимание, либо незнание политики ВКП(б). Без четких указаний из Центра большинство 25-тысячников не способны были эффективно выполнять свои обязанности.

Социальная мобилизация горожан, санкционированная властью, сконцентрировала в деревне значительные кадровые ресурсы, подготовленные к труду в промышленности, но не в колхозах и совхозах. По форме и способу организации производственного процесса индустриальные и аграрные предприятия имели существенные отличия. Для выполнения провозглашенных целей по ускорению строительства колхозов, повышению в них дисциплины необходимо было более осторожно использовать инструменты и технологии социальной мобилизации, сохранять на местах опытные кадры. Под давлением власти организовывать работу в тамбовской деревне начали некомпетентные рабочие и комсомольцы.

Нерациональное использование 25-тысячников на местах являлось одной из ключевых проблем при организации фронта «социалистического переустройства деревни». Искусственно сконструированные властью социальные лифты работали со сбоями, поэтому мобилизованные рабочие и комсомольцы не всегда занимали

«высокие» посты, выполняя в деревне самые различные задания. Так, в Инжавинском районе рабочий Лотчинов трудился в коммуне им. Калинина в качестве ремонтного рабочего, в Ржаксинском районе Балкашин занимал должность заведующего маленьким кирпичным заводом, в Инжавинском районе животноводсоюз инструкторов-25-тысячников привлекал к сбору молока для сыроваренных заводов [Там же, л. 344].

В большинстве случаев 25-тысячники работали в аппаратах полевод-, животновод- и колхозсоюзов, а также в советских учреждениях. В Бондарском районе из семи 25-тысячников только один был назначен главой правления колхоза и один – главой правления райколхозполеводсоюза [Там же, л. 32]. В Инжавинском районе из 23 прибывших на село рабочих двое были направлены в правление райполеводсоюза, один – в правление райживотноводсоюза, двое – уполномоченными крупных коллективных хозяйств для ознакомления с работой колхозов [Там же, л. 39]. Только после выборов правлений колхозов ряд 25-тысячников предполагалось перевести на должности председателей или их заместителей. Механизм социальной мобилизации предполагал поступательную динамику карьерного роста прибывавших в тамбовскую деревню горожан. Однако кадровая политика на местах отличалась волонтаризмом. Районные власти расставляли 25-тысячников на различные «посты», следуя своему пониманию партийной кадровой политики и принимая в расчет собственные интересы.

Материально-бытовые условия проживания рабочих и комсомольцев в тамбовской деревне оказались неудовлетворительными. «Квартирный вопрос» оставался неразрешенным на протяжении всего исследуемого периода. Рабочие, приехавшие с семьями, оказались в крайне тяжелом положении в связи с возникшим «квартирным» вопросом. В докладной записке за 1930 г. по проверке и осмотру условий работы и правильности использования 25-тысячников в Тамбовском округе отмечалось, что был зафиксирован случай, когда один из ленинградских рабочих, «...имея при себе жену и больного ребенка, в коммунальном отделе в Мучкапе на просьбу предоставить комнату получил отказ. Когда же явился вторично, ему заявили: –Убирайтесь, Вам было сказано, что квартир нет» [Там же, л. 344 об.]. Помпеев-Тамбовский «получил в коммунальном отделе наряд на комнату. Когда он в нее вселился, то на нее оказался еще один претендент и местные власти предложили ему выселиться, грозя прокурором» [Там же]. Особенно «негостеприимно» повели себя руководители Пичаевского района. Здесь «ленинградские рабочие не могли даже себе найти ночлега. Местные организации помощь в этом не оказывали, благодаря чему на первую ночь ленинградские рабочие попали на квартиру к кулаку» [Там же, л. 39 об.]. Районные и окружные власти, осуществив политический заказ правительства по приему 25-тысячников, дистанцировались от решения их проблем. Объяснялось это как бюрократизмом, так и нежеланием включать в состав в местных органов власти чужаков.

Наличие съемной квартиры не ограждало 25-тысячников от материально-бытовых неурядиц. Наряду с жилищными проблемами в тамбовской деревне для вновь прибывших рабочих и комсомольцев возникли трудности с продовольственным обеспечением. «Комсомолка из Козлова жаловалась, что на съемной квартире можно –е голоду подохнуть», крестьяне хитрые, у них ничего не купишь» [3, с. 222]. В докладной записке по проверке и осмотру условий работы и правильности использования 25-тысячников в Тамбовском округе отмечалось, что «в Сампурском районе некоторые двадцатипятидесятники даже за все время не видели муки. На просьбу продать продукты в кооперации двадцатипятидесятнику часто предлагали приносить в обмен яйца (случаи имеют место во всех районах)» [1, д. 316, л. 344 об.]. В Сампурском районе, как сообщал уполномоченный ОК по району Шиппер 6 февраля 1930 г., «приехавшие рабочие из Ленинграда... находятся в довольно плохих условиях. Квартир нет, также у некоторых отсутствуют средства к существованию. Некоторые выехали без валяных сапог и теплой одежды, что, безусловно, очень отрицательно на них повлияло» [Там же, л. 39 об.]. Группы командированных рабочих и комсомольцев, сформированные в короткие сроки, не получили необходимого минимума социальных благ. Тем самым была продемонстрирована неподготовленность заводов и городов-доноров, а также и принимающей стороны к масштабному аграрному десанту 25-тысячников. Власть волонтаристским решением ноябрьского пленума ЦК ВКП(б) 1929 г. привела в действие государственный мобилизационный механизм, но дистанцировалась от формирования необходимой социально-бытовой среды для проживания рабочих и комсомольцев в деревне.

Важнейшей причиной текучки кадров среди 25-тысячников стало отсутствие гибкой системы мотивации труда. Заработная плата командированных ленинградских рабочих делилась на две части. Первую выплачивали организации «на местах» из расчета минимальной ставки в 75 рублей. Оставшуюся компенсационную разницу выплачивал командировавший рабочего завод. Подобная система оплаты труда приводила к задержкам и невыплатам второй части зарплаты. В Ракшинском районе вопрос материального обеспечения 25-тысячников имел особенно острый характер. В местный райком поступали «заявления о материальной необеспеченности как бригадиров, так и их семей» [Там же, л. 79]. Однако и рабочие, не «обремененные» женой и детьми, не имевшие затруднений с обеспечением продуктами питания, сталкивались с рядом проблем морально-нравственного порядка. 25-тысячники были непосредственными проводниками линии партии и не могли остаться в стороне от участия в раскулачивании. Вместе с «коренными» представителями власти они проводили обыски в крестьянских домах, изымали имущество, организовывали выселение «кулаков» и т.д. Рекрутирование на фронт коллективизации и раскулачивания рабочие и комсомольцы воспринимали скептически. В докладной записке Пичаевского райкома ВКП(б) ответственного секретаря Радченко отмечалось, что «настроение ленинградских рабочих не весьма бодрое: 1-е это деревенские условия и 2-е на совещаниях высказываю свое мнение, что они не для этого приехали, чтобы ходить и описывать имущество в кулацких хозяйствах, а также взятие всего семенного фонда на учет под сохранную записку. Эта работа некоторым не нравится...» [Там же, л. 31]. Если до приезда в деревню в лагере 25-тысячников имел место творческий подъем, то по прибытии в деревню стали набирать

силу демобилизационные настроения. Уполномоченный по Большеломовисскому сельсовету Пичаевского района сообщал, что «из 7 комсомольцев надежных только 2 человека, на остальных положиться нельзя» [3, с. 223]. Одним из таких «бунтарей» стал Станислав Александрович Козловский. 18 февраля 1930 г. в докладной записке из Бондарского района сообщалось, что он отказался раскулачивать крестьян. Козловский, работая в Гуськовском сельсовете, «в разгар раскулачивания кулака участвовал лично при отборе имущества. Крик, плач на него очень подействовали, и он заявил местным и приезжим там активистам, что у... (него – В. Н.) порок сердца» [1, д. 316, л. 32] и выехал в Бондари. Ни разговор в райкоме, ни беседа с уполномоченными Нединым и Шаталовым не изменили позиции Козловского. Он категорически отказался работать в деревне и, не снявшись с учета, выехал из Бондарского района. В данном случае, по нашему мнению, причины уклонения от обязанностей крылись в моральных качествах и возрасте ленинградского рабочего. К моменту командировки Козловский имел семилетний стаж в ВЛКСМ, а его возраст не превышал 21 года.

Внутренних стимулов к работе в деревне у 25-тысячников, оказавшихся в реалиях коллективизации, было значительно меньше, чем предполагало руководство страны. Поэтому случаи их уклонения от участия в раскулачивании и строительстве колхозов приобретали массовый характер. Так, в Покрово-Марфинском районе к 15 февраля 1930 г. двое рабочих также отказались от возложенных на них обязанностей и, оформив документы в Тамбовском окружном ВКП(б), выехали в Ленинград [Там же, л. 40]. Тяжелые реалии коллективизируемой деревни толкали заводчан на самые крайние поступки. Для того чтобы выехать обратно в Ленинград, рабочие шли даже на самооговор. Так, рабочий Уваров в Сампуре «в пьяном виде явился в районный комитет в сопровождении крестьянина и заявил, что он с себя все пропил и на месте работы себя скомпрометировал, просясь с работы. В подтверждение своих слов просил, чтобы опросили пришедшего с ним крестьянина» [Там же, л. 337]. Обострявшаяся социально-политическая обстановка в тамбовской деревне толкала рабочих на путь протеста: они «голосовали» против насилия ногами.

Крайне тяжелые и непривычные бытовые условия проживания горожан в тамбовской деревне подталкивали их к аграрному «дезертирству». Для того чтобы ограничить самовольные отъезды, а также пресечь пьянство и связи с «антисоветскими» элементами, виновных стали исключать из профсоюзов. Так, например, поступили с рабочим Мещеряковым. Он был исключен из союза металлистов [Там же, л. 99]. Власть так и не находила более действенных механизмов, чем административное воздействие, способных остановить отток из деревни 25-тысячников-«дезертиров». Данный тезис иллюстрирует следующий факт: из 14 ленинградцев, приехавших в январе 1930 г. в Сампурский район, до весны осталось только 8 [Там же, л. 337].

Не все посланцы города имели высокие моральные качества. Несмотря на обязательный политический и организационный стаж, даже после строгого отбора в тамбовской деревне оказались 25-тысячники с искривленным пониманием норм человеческого общежития и поставленных перед ними партийных и хозяйственных задач. В докладной записке от 1930 г. по проверке и осмотру условий работы и правильности использования 25-тысячников в Тамбовском округе было отмечено, что «в Мучкапском районе председатель райполеводсоюза тов. Бобров (Красный Выборжец)... манкировал работой, вместо руководства катался на лошадах и часто отлучался на длительные сроки в Тамбов, совершенно не интересуясь работой... учреждения. Доходило до того, чтобы добиться приезда в Мучкап приходилось посылать по несколько телеграмм» [Там же, л. 345 об.]. Уклоняясь от выполнения делегированных ему обязанностей, превращая труд в отдых, Бобров негативно проявил себя в глазах деревни и был уволен. Подобные случаи имели перманентный характер и дискредитировали идею власти об укреплении «смычки» города и деревни.

Сложные механизмы социально-экономических и политических аграрных трансформаций включали рабочих и комсомольцев в процесс социалистического переустройства деревни. Однако активная позиция выходцев из города встречала групповую защитную реакцию крестьянства. На пути 25-тысячников деревенскими жителями воздвигались «барьеры» и «баррикады» социального порядка. Так, в Мучкапе бывший председатель райживотноводсоюза Рожков, пониженный в должности до заместителя председателя после назначения на этот пост двадцатипятилетнего тов. Флировского, стал компрометировать своего начальника перед правлением, «отменяя распоряжения Флировского и не оказывая содействия и помощи в работе» [Там же]. В итоге Рожков был снят с занимаемой должности. Данный факт иллюстрирует конфликты, возникавшие между назначенными «сверху» на руководящие должности 25-тысячниками и «коренными» управленцами. Сложные отношения горожан с местными властями «были обусловлены уже самой целью кампании – обеспечить надежную опору партии на местном уровне за счет мобилизованных рабочих. Следовательно, мобилизация «двадцати пяти тысяч» демонстрировала сельским руководящим работникам потенциальное недоверие к ним со стороны центрального руководства» [11, с. 288]. Механизм данного конфликта сложился еще до прибытия 25-тысячников на село. Поэтому борьба между местными элитами разного призыва могла завершиться только с отъездом «чужаков» из деревни.

Открытое противостояние 25-тысячников с руководителями местного масштаба в начале 1930 г. становилось частым явлением. Подобный конфликт нашел отражение на страницах центральной газеты «Правда». Бригада рабочих завода «Красная заря», например, открыто выступила против председателя колхоза в деревне Тарбеевка Покрово-Марфинского района М. И. Быкова. Рабочие критиковали его за медлительность, халатность и растрату 10000 рублей. Быкова обвиняли в том, что он вел контрреволюционную линию по разложению колхоза «Красная заря», находившегося по соседству с деревней Тарбеевка. По словам рабочих, коллективное хозяйство стало «пугалом для крестьян» [1, д. 316, л. 139]. В колхоз, организованный рабочими, вошло 7 дворов из соседнего коллективного хозяйства, что, по-видимому, и привело к конфликту

Быкова и 25-тысячников. Под давлением рабочих 15 марта районный суд лишил Быкова права пребывать на общественной работе. Затем данный руководитель местного масштаба дважды исключался из партии, но, имея поддержку на уровне районных властей, сохранял свои позиции в деревне. Рабочие и комсомольцы, приехавшие в тамбовскую деревню, принесли с собой «городские» ценности, стереотипы поведения и не испытывали страха перед авторитетом местных руководителей. Знание ряда инструментов воздействия на низовых сов- и партработников позволяло 25-тысячникам открыто идти в атаку и эффективно использовать их в реорганизации сельского мира на базе колхозов. Так, под влиянием получивших общесоюзную известность фактов хозяйственных «искривлений», в апреле 1930 г. к разрешению конфликта пришлось подключиться секретарю Тамбовского окружкома ВКП(б) О. Т. Галустяну [Там же, л. 137].

Активное включение рабочих и комсомольцев в процессы раскулачивания и коллективизации автоматически ставило их в ряды врагов большей части деревенских жителей. В ответ крестьянство направляло против агентов Центра свое привычное оружие – террор. Так, в выводах обследования условий работы и правильности использования 25-тысячников в Тамбовском округе за 1930 г. отмечались «случаи проявления террора по отношению к двадцатипяти тысячникам со стороны кулаков, как-то: ранение тов. Ядрова (Мучкап), покушение на тов. Николаева (Сампур)... угроза террора тов. Булину (Сампур)» [Там же, л. 337]. Конфронтация города и деревни усиливалась в условиях масштабной «переполосовки» статусов их обитателей. Данный процесс четко прослеживается на социальной динамике села в условиях раскулачивания. На фоне повышения статуса 25-тысячников значительная часть крестьянства под давлением репрессий вычеркивалась как социальная страта, маргинализировалась.

Итоги работы 25-тысячников за первые месяцы 1930 г. по партийной линии были оценены высоко. В актив мобилизованных рабочих и комсомольцев был занесен ряд социально-экономических мероприятий. Например, в Инжавинском районе (коллективы им. Калинина, «Красный путь»), в Уваровском районе (колхозы с. Уварова) под руководством 25-тысячников приступили к электрификации. В Пичаевском районе установили ветряки с двигателем, начали телефонизацию Покрово-Марфинских колхозов, радиофикацию Ржаксинского и Мучкапского районов, кинофикацию Пересыпкинського района [Там же, л. 320], 25-тысячники начали работу по организации машинно-конных станций и т.д. В тамбовской деревне вели работу медицинские бригады, которые не только лечили, но и проводили мероприятия профилактического и санитарно-эпидемиологического характера, организовывали ясли и т.п. 25-тысячники способствовали проведению коллективизации сел. Под их влиянием произошло объединение крестьянских хозяйств вокруг коммуны имени Ленина в Кирсановском районе [Там же, л. 321], в Покрово-Марфинском районе «объединилось девять населенных пунктов в один колхоз с площадью 1631 гектар» [Там же, л. 39]. Однако в условиях безудержной гонки коллективизации 25-тысячники применяли широко практиковавшиеся властью «нажимные» методы, что разжигало борьбу как внутри деревни, так и конфликты за ее пределами.

Как агенты власти рабочие и комсомольцы пользовались поддержкой руководства страны на фронте пропаганды. В центральной и местной печати образ коллективизатора-25-тысячника приобретал ореол героя. В реальности же подобные идеологические персонажи совершали в своей работе череду «перегибов», приводивших к разрушению производительных сил деревни. Примером активного 25-тысячника-коллективизатора служит командированный в Уваровский район рабочий Гельчинский. Как отражено в характеристике Гельчинского от 21 февраля 1930 г., «в селе Ниже-Шибрай под его руководством организован колхоз имени «Русский дизель» в 5000 гектар. Он был даже задержан для окончательного устройства колхозов на месте» [Там же, л. 42]. Подобные хозяйственные «успехи» мобилизованных в деревню рабочих и комсомольцев, достигнутые в том числе и с применением административного давления, получали высокую оценку в партийной среде. Но даже в высших эшелонах власти осознавали трудности и противоречия, с которыми столкнулись рабочие и комсомольцы в деревне. Издержки работы основной массы 25-тысячников были связаны с их психологической и профессиональной неподготовленностью. Деятельность большей части рабочих и комсомольцев в тамбовской деревне сводилась к неэффективному «командованию», «письменному руководству», к действиям «по обстоятельствам».

На почве раскулачивания возникали конфликты даже в среде 25-тысячников. Ленинградский рабочий Николаев выступил против раскулачивания двух хозяйств и против предложенных двумя другими рабочими – уполномоченными райкома Рукиным и Чижовым – метода изъятия имущества, которое он назвал «грабежом крестьян ночью» [Там же, л. 84]. Данный факт рассматривался на заседании бюро Инжавинского райкома ВКП(б) 20 февраля 1930 г. «Несправившийся» Николаев был переведен в другой колхоз. Таким образом искривленные формы общежития коллективизируемой тамбовской деревни подменяли моральные нормы, создавая атмосферу бесправия и вседозволенности. «Чрезвычайные» меры, применяемые рабочими и комсомольцами при коллективизации и раскулачивании, вели к дискредитации 25-тысячников в глазах крестьянства.

На рабочих и комсомольцев вместе с тяжелым моральным грузом давили неудовлетворительные материально-бытовые условия и оставляли рабочим и комсомольцам только две альтернативы: либо оставаться в деревне, либо «демобилизироваться». Основная масса рабочих не принимала первый вариант и искала пути возвращения на заводы. Именно поэтому 25-тысячники, прибывавшие в деревню как временные служащие, устремились в марте 1930 г. в Ленинград. Подобная социальная динамика не устраивала руководство страны и представителей региональной власти. В Москву и Ленинград от местных властей стали поступать сообщения об отъезде рабочих и предложения продлить срок командировки 25-тысячников. В частности, секретарь Тамбовского окружкома ВКП(б) О. Т. Галустян 27 марта 1930 г. телеграфировал в ЦК: «Разгар посевной. Ленинградцы

выезжают...» [Там же, л. 100]. Ряд 25-тысячников предложение продлить пребывание в тамбовской деревне встретил критически, называя его даже «преступным» [Там же, л. 73]. Были среди горожан и те, кто искренне хотел остаться работать в колхозах. Выборгский райком удовлетворил просьбу Тамбовского окружкома ВКП(б) и оставил в деревне временно командированных рабочих до 1 апреля. Под прессом региональных властей и Центра на пути массовых отъездов 25-тысячников были выстроены административные барьеры, для того чтобы рабочие и комсомольцы задержались в деревне. Но аграрная «демобилизация» продолжилась, демонстрируя политическую близорукость и бессилие партийно-государственного руководства страны.

Масштабная мобилизационная кампания, в рамках которой 25-тысячники были направлены в тамбовскую деревню как администраторы и организаторы, в целом показала свою неэффективность. Потенциальные руководители аграрного строительства не имели необходимого опыта, квалификации и практически не были знакомы с деревенскими реалиями. Практика жесткого административного давления на деревню подрывала доверие к 25-тысячникам и осложняла условия сотрудничества горожан и крестьян. Многие рабочие и комсомольцы не смогли адаптироваться к сельской среде, что приводило к их массовым отъездам. Волонтеризм и форсированное включение социальных лифтов правительством доказали свою нецелесообразность. Реформирование аграрного сектора требовало от власти более тщательного и взвешенного планирования мероприятий и акций хозяйственного характера.

Список литературы

1. Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области (ГАСПИТО). Ф. П-855. Оп. 1.
2. Есиков С. А. «Великий перелом» и рабочий класс // Наш край Тамбовский. Тамбов, 1991. С. 80-81.
3. Ипполитов В. А. Тамбовский комсомол в коллективизации сельского хозяйства // Вестник Тамбовского государственного технического университета. 2013. Т. 19. № 1. С. 219-225.
4. Красильников С. А. Сталинская модель социальной мобилизации: некоторые проблемы изучения // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2011. Т. 10. № 10. С. 40-46.
5. Левакин А. С. Рабочие-двадцатипятидесятники в составе колхозной администрации на Юге России: бытовые и профессиональные аспекты // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 73-1. С. 276-280.
6. Мезит Л. Э. Участие ленинградских рабочих в проведении сплошной коллективизации в Красноярском крае // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 6. Ч. II. С. 115-117.
7. Слезин А. А. Комсомол в коллективизации: внутри и против общекрестьянского фронта // История в подробностях. 2011. № 10. С. 66-73.
8. Слезин А. А. Комсомол Центрально-Черноземной области на начальном этапе сплошной коллективизации // Клио. 2000. № 2. С. 202-213.
9. Слезин А. А., Бредихин В. Е., Дорошина М. М. и др. Тамбовский комсомол: грани истории. 1918-1945. Тамбов, 2008. 467+48 с.
10. Троценко Н. Д. Двадцатипятидесятники в Западной Сибири: реализация социально-мобилизационных функций (1930-1931 гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 1. С. 39-42.
11. Троценко Н. Д. Проблемы адаптации 25-тысячников в условиях коллективизации Западно-Сибирской деревни (1930-1933 годы) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2010. Т. 9. № 1. С. 286-291.

TWENTY-FIVE-THOUSANDERS IN TAMBOV VILLAGE AT THE BEGINNING OF THE 1930S

Nikolashin Vadim Pavlovich, Ph. D. in History
Michurinsk State Agrarian University
nikolashin.vadim@yandex.ru

The author researches the activity and living conditions of twenty-five-thousanders in Tambov village in January-March 1930, tells that the objectives set by the government for the workers and Komsomol members in administrative positions in the village received a high party grade, and shows that behind the facade of the large-scale campaign the inexperience and unpreparedness of recruited twenty-five-thousanders, the disorder of everyday life and, consequently, their mass departures to the town were concealed.

Key words and phrases: collective farm; twenty-five-thousanders; peasantry; workers; Tambov village; Komsomol members; dekulakization; collectivization.